

телей, и не одна усердная, наивная молитва возносилась къ Богу о смерти ближняго. Могучая натура Льва выдержала, однако, и блѣдую горячку, и переломъ ногъ. Полгода онъ пролежалъ въ больницѣ, затѣмъ полгода проходилъ на костыляхъ, а потомъ и ихъ бросилъ и на радостяхъ свирѣпо напился (до тѣхъ же поръ не пилъ и усерднѣйшимъ образомъ работалъ). И начались опять его дѣянія.

Онъ былъ дѣйствительно ходячая совѣсть города N. Неудивительно, что онъ, какъ и всякій N-скій обыватель, зналъ всѣ тайны, все наперечетъ грязное бѣлье городскихъ обывателей, особенно видныхъ и вліятельныхъ. И онъ испытывалъ какое-то демоническое наслажденіе тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, когда всѣ улицы тихаго городка оживлены, всѣ окна раскрыты настежь, и всѣ почти обыватели вернулись домой послѣ тоскливаго ничегонедѣланья днемъ въ разныхъ «присутствіяхъ» и канцеляріяхъ, — въ такое время подойти къ раскрытымъ окнамъ обывателя по почётнѣе, особенно если у него гости, и на всю улицу своимъ громовымъ басомъ рассказать всю грязную «подноготную» этого обывателя со всѣми житейскими подробностями, во всей словесной наготѣ и даже съ приличными случаю комментаріями изъ библейскихъ текстовъ...

Такъ и въ тотъ день, когда онъ бросилъ костыли, съ утра начались его походы.

Мы сидѣли на урокъ закона Божія, который преподавалъ смотритель училища, когда подъ окномъ раздался звучный голосъ Льва.

— Съ избраннымъ избранъ будешь, съ нечестивымъ развратишься!.. Дѣтки, кутейнички, милые, не слушайте вы его...

Тихо въ классъ; блѣдные, не переводя дыханія, не смѣя взглянуть на смотрителя сидимъ мы, какъ приговоренные къ смерти, и ждемъ, что будетъ.

— Закрѣй окна!.. Выпучили глаза-то! — командуетъ, наконецъ, смотритель: — Скворцовъ, иди скажи, чтобы убрали!..

Нѣсколько человѣкъ бросаются исполнить приказъ. Но голосъ Льва слышится уже гдѣ-то далеко. Долетаютъ только неясные обрывки новаго обличенія.

И доставалось же бѣднягѣ Льву за эти обличенія! Сколько разъ ночевалъ онъ въ части, сколько разъ выходилъ оттуда съ помятыми боками и подбитыми глазами, — этого рѣшительно сосчитать нельзя. Вотъ уже поистинѣ могъ сказать: «всяко дѣлаша на хребтѣ моемъ грѣшницы!..» Но кромѣ того, попавши подъ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, Левъ нѣсколько